

ДИАЛЕКТОЛОГІЯ, ЕТИМОЛОГІЯ, ІСТОРІЯ ТА ОНОМАСТИКА СХІДНОСЛОВ'ЯНСЬКИХ МОВ

*Бондаренко І. В.
Южноукраинский национальный педагогический
университет имени К. Д. Ушинского*

ДИВЕРГЕНТНО-КОНВЕРГЕНТНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОНОМАСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ОЙКОНИМОВ)

В статье рассматриваются вопросы возникновения ономастической омонимии и пути ее преодоления, а также дивергентно-конвергентные процессы, происходящие внутри топонимической системы языка. Предложена классификация видов ономастической омонимии, рассмотрены различные языковые средства и способы (фонетические, морфологические, синтаксические) ее устранения.

Ключевые слова: ономастическая омонимия, ойконимы, дивергенция, конвергенция.

Специфика ономастики как раздела языкознания определяется особенностями и специфичностью ее объекта – собственных имен языка. Дискуссионным аспектом проблемы, условно обозначаемой *appellativa* – *опома*, является иерархичность различительных признаков собственных и нарицательных имен, определение проблемы “переходной” зоны между собственными и нарицательными именами. Особую сложность вызывают топонимы, поскольку в качестве апеллятивов для них часто выступают имена нарицательные, которые становятся именами собственными, довольно часто сохраняя и фонетические, и морфологические признаки в полном объеме.

Целью нашей работы является анализ дивергентно-конвергентных процессов, происходящих в ономастической системе языка, выявление специфики функционирования ойконимов в языке и речи, обусловленной возникающей ономастической омонимией, классификация видов омонимии и способы ее преодоления.

Для того, чтобы лучше представить специфику ойконимов, нужно определить их место в дихотомии “имя собственное – имя нарицательное”.

В чем сущность имени собственного? О. Есперсен отмечал, что “с лингвистической точки зрения невозможно провести демаркационную линию, поскольку различие здесь количественное, а не качественное”. Здесь зеркально отражена позиция О. Есперсена в сравнении с точкой зрения Дж. Милла, что имена собственные имеют большее значение, чем нарицательные, ибо обладают большим количеством признаков. Концепция А. Белецкого подчеркивает функциональное назначение имени собственного: 1) функцию классификации, обобщения (фамилии, названия этнических групп, переходный пласт); 2) функцию индивидуализации.

Ю. А. Карпенко [2] считал, что промежуточных явлений между собственными и нарицательными названиями не существует. Каждое имя в каждом случае его употребления является либо собственным, либо нарицательным. Мы присоединяемся к точке зрения лингвистов, которые, признавая отсутствие иерархии в списке различий между собственными и нарицательными именами и явное смешение языка и речи, тем не менее на уровне языка главным, основополагающим различием считают *масштаб* имени. В собственных именах он равен единице: собственное имя всегда обозначает один, единичный предмет. Наричательное имя всегда больше единицы, семантика нарицательного имени суть множество – она охватывает все предметы данного вида, все его свойства. Именно поэтому дихотомия “имя собственное – имя нарицательное” ограничивается только существительными, а внутри этого класса – только названиями считааемых предметов.

Из этого главного различия происходят такие различительные признаки.

Во-первых, специфика реализации собственных имен в *единицах мышления*. Для нарицательного имени единицей мышления является определенное понятие, а для имени собственного – единичное понятие, представление и даже зрительный образ. Отсюда повышенная предметность собственных имен. Ю. А. Карпенко сравнивал собственные имена с “языковыми этикетками предметов” [4, с. 229], тогда как о нарицательных названиях этого сказать нельзя.

Во-вторых, как отмечал Е. Курилович [5], “*нарицательное имя обозначает, а имя собственное называет*”. Знаковость собственных имен мощно коррелирует с их повышенной предметностью и словообразовательным своеобразием данных единиц языка.

Третий различительный признак – *интернациональный характер* собственных имен (об этом мы говорили в своей статье “К вопросу об ономастической омонимии”). Интернациональность собственных имен ярко иллюстрирует дивергентные процессы, происходящие в языке: вначале собственное имя называет один предмет, имеющий четкую локализацию. Как только сведения об этом предмете выходят за пределы одного языка, уже

существующее название данного предмета берется в готовом виде и становится заимствованным. Практически все собственные имена могут стать потенциальными интернационализмами, переходя из языка в язык с сохранением своей звуковой формы, а точнее – лишь с теми ее трансформациями, которых требует принимающая языковая система и языковая традиция. Безэквивалентность собственных имен демонстрируется тем известным обстоятельством, что от многих языков только они и сохранились, проникая в письменные памятники.

И, наконец, можно говорить *о тенденции к разрыву обозначающего и обозначаемого в собственном имени* (отсюда и распространенность замены собственных имен, переименований единичных объектов). Собственные имена легче привести в соответствие с изменяющейся действительностью.

Известнейший ученый, посвятивший большую часть научных исследований проблемам ономастики, Ю. А. Карпенко указывал на необходимость выхода за пределы языка в экстралингвистические сферы при изучении и описании ономастических объектов [1, с. 5]. Он предложил разделить все топонимы на пять групп: 1) глобальные названия, известные носителям разных языков; 2) интернациональные или межрегиональные названия, распространенные как минимум в нескольких языках; 3) национальные названия, существующие в речи всех носителей одного языка; 4) контактные названия, известные группам носителей двух соседних языков; 5) локальные названия, употребляемые на части территории одного языка. Конечно, довольно часто происходит смешение или миграция номенов из одной группы в другую, но в состав языка входят они все.

И все-таки ведущим, главным различительным признаком, использование которого не оставляет на уровне языка сомнений в отнесении лексемы к классу нарицательных или собственных наименований, является наличие либо одного носителя (и тогда это имя собственное), либо больше чем одного носителя (и тогда это имя нарицательное). Все трудные случаи разграничения двух классов – это проблемы речи, а не языка.

Сказанное относится не только к топонимии и не только к этимологическим изысканиям. Исследование собственных имен сплошь и рядом требует экстралингвистической информации. Однако не менее сложной и ответственной является работа с лингвистической составляющей имени собственного, и, в частности, изучение возникающей довольно часто ономастической омонимии. Слова-омонимы существуют в сознании говорящего как оппозиция, т. е. объединение двух различных объектов, связанных таким образом, что мысль не может представить один, не представив другой. Единство оппозитивных членов всегда формируется при помощи понятия, имплицитно содержащего оба противочлена и

разлагающегося на эксплицитную оппозицию, когда оно относится к конкретной действительности.

Различные группы собственных имен (ойконимы, гидронимы, оронимы и т. п.) подвергаются со временем самым разнообразным трансформациям: они изменяют свой фонетический облик и словообразовательную структуру, теряют внутреннюю форму (деэтимологизируются), ресемантизируются (случаи переосмысления слов) и т. д. Эти изменения обусловлены действием комплекса причин как экстралингвистического, так и общезыкового, а также внутрианомастического характера.

При изучении причин языковых изменений необходимо исходить прежде всего из внутренних законов развития самого языка или его соответствующих систем. Совокупность названий населенных пунктов (ойконимов) любого региона представляет собой специфическую топонимическую систему, в которой сталкиваются, взаимодействуют и противостоят различные тенденции. Одна из них – дивергентная тенденция, направленная на удаление, обособление ойконимов от апеллятивной лексики, в недрах которой, в конечном счете, возникли все собственные имена. Тенденция к дивергентности ойконимов объясняется, в частности, тем, что апеллятивы и производные от них топонимы являются омонимичными единицами.

Омонимия между названиями населенных пунктов и нарицательными именами (назовем их *экстраномастической омонимией*) мешает ойконимам выполнять их адресно-указательную функцию. Язык стремится устранить экстратопонимическую омонимию. Отапеллятивные простые ойконимы типа *Сокол, Роца, Поляна* представляют собой наименее стойкую, легко поддающуюся трансформациям группу. Поэтому их число невелико.

Дивергентная топонимическая тенденция проявляется в подборе лексем. Легко топонимизируются слова иноязычного генезиса. В анализируемом топонимическом регионе имеются простые ойконимы иноязычного генезиса, составляющие около 1% всего массива: *Чадырлунга, Богтенга, Кихть* и др. Аналогичная картина наблюдается в топонимии разных языков: например, болгарские топонимы *Конака* < рум. *корас* “гора”, *Петриша* < рум. *pietris* “мелкий камень”, *Гьола* < тур. *gol* “озеро”, *Баура* < тур. *bayir* “холм”.

Кроме лексико-семантического способа преодоления *экстратопонимической омонимии*, в разных языках с топонимизирующей целью используются фонетические средства: изменение ударения, метатеза, диссимиляция, иные способы изменения звуковой формы слова. Болгарский исследователь И. Заимов отмечает, что во многих болгарских топонимах ударение падает на предпоследний слог, тогда как в коррелирующих апеллятивах под ударением находится последний слог: ср. *Даба* и *даба*, *Лома* и *лома*, *Трана* и *трана*, *Цера* и *цера* [2, с. 28].

Чаще всего топонимическая маркировка достигается путем использования специальных суффиксов-топоформантов. Последние берутся из общеязыковых средств, но, попав в сферу ономастики, они теряют свойственное им значение и приобретают новое, топонимическое. Так, в деминутивных суффиксах может исчезнуть значение уменьшительности при выполнении ими функции топонимизации апеллятивов: ср. *гора* и *Горка*, *хутор* и *Хуторок*, *город* и *Городок*; ср. болгарские топонимы *вир* и *Вирчето*, *габрак* и *Габрачето*, *орех* и *Орехчето*. С. Роспонд, анализируя отдельные топонимы данной структуры, приходит к выводу, что они представляют собой простые непроемные образования, ибо имеют коррелятами деминутивные образования среди апеллятивов: ср. польск. *Most*, *Mostek*. Этот вывод справедлив при этимологическом анализе, однако при помещении деминутивных образований в соответствующие топонимические ряды можно сделать вывод: уменьшительные суффиксы, как и другие форманты, выполняют топонимическую дифференцирующую функцию.

С топонимизирующей функцией употребляется форма множественного числа: ср. топонимы *Pluralia tantum* *Нивы*, *Ручьи* и т. п. Топонимизирующая обособляющая функция увеличивается при использовании деминутивов в плуральной форме: *Дубки*, *Горки*; ср. болг. *Стубличките*, *Върбички*, *Локвичкити*.

Важное значение в преодолении омонимии имеют синтаксические средства языка, в частности, конструкции “предлог места + имя существительное”. Топонимизация таких образований увеличивается при отличии их от исходных апеллятивов: *Замох* (а не *за мхом*), *Подберезка* (а не *под березкой*), *Подгорка*; ср. болг. *Зад Садина*, *Над Друма*, *Под Баба*. Довольно часто обособление таких конструкций приводит к слиянию их в одну тополексу. Нередко целью оформленности наименования завершается добавлением к нему топонимических суффиксов и возникновением образований типа *Загорье*, *Межозерье*, *Забережье*. Можно говорить о создании и функционировании особых структурно-словообразовательных моделей.

Исходные апеллятивы топонимизируются и путем расширения дополнительными словами, чаще всего определениями, что приводит к возникновению составных ойконимов “имя прилагательное + имя существительное”: *Белый Ручей*, *Теплый Ручей*, *Высокая Гора*, *Зеленый Берег* и др.; ср. болг. *Голям Извор*, *Бел Камен*, *Вълче Поле*. Пользуясь терминологией Л. Блумфилда, такие образования можно назвать экзоцентрическими конструкциями, поскольку значение результирующего словосочетания не представляет собой сумму значений его непосредственных составляющих. Значение данных словосочетаний иное:

они являются названиями селений, и именно в этом заключается их обособление.

Экстраономастическая омонимия и пути ее преодоления, безусловно, важный аспект изучения ономастики. Не менее актуальным вопросом является анализ фактов *интерономастической омонимии*, возникающей между различными ономастическими классами, например, между антропонимами и топонимами, ср. топонимы отантропонимического происхождения *Борис-Глеб, Венера*, ср. болг. *Богдан, Груля, Турзуна, Фериза*. Следует отметить, что в подавляющем большинстве случаев отантропонимические топонимы оформлены при помощи различных топоформантов: *Абрамово, Васино, Калинино*. Любопытную группу составляют отантропонимические топонимы на *-иха*: *Борисиха, Емельяниха*. Подобные топонимы женского рода, но образованы от личных имен мужского рода. Эта особенность содействует превращению суффикса *-иха* в топоформант (ср. также названия населенных пунктов *Разноглядиха, Чертиха*).

Дивергентные топонимические тенденции сочетаются с конвергентными процессами самой топонимической системы, связанными со стремлением организовать, упорядочить, систематизировать гетерогенные, разноструктурные и разноязычные топонимы. Ю. А. Карпенко отмечал: “Действие топонимической системы направлено прежде всего не на то, чтобы отдалить топонимы друг от друга, а, как это ни парадоксально, на то, чтобы сблизить их между собой” [3, с. 52]. Чем активнее действует топонимическая система, тем значительнее ее дивергентные процессы и тем отчетливее проявляются внутритопонимические конвергентные силы.

Конвергентные процессы многоплановы. На лексическом уровне их действие проявляется в ограничении семантических полей, используемых с номинативной целью, в выделении доминирующих тополексем, многократно повторяемых при создании новых наименований, что приводит к появлению омонимов. На структурно-словообразовательном уровне в результате действия конвергентных процессов выделяется несколько основных моделей, ограниченное число доминирующих топонимообразующих аффиксов. В результате анализа ойконимов Одесской области выявлено доминирование суффиксов *-ово, -ино*.

Давление топонимической системы, направленное на взаимное уподобление составляющих ее образований, приводит к их значительным трансформациям. При этом корневая часть собственных имен менее подвержена нивелирующему воздействию, чем аффиксальная (прежде всего суффиксальная). Взаимно уподобляясь, генетически разнородные суффиксы превращаются в единый топоформант, отличающийся продуктивностью.

Немецкие имплицитные топоформанты *-itz/witz* возникли из ряда славянских суффиксов: *Baderitz < Podgradici; Chemnitz < Kamenical*.

Таким образом, дивергентно-конвергентные процессы топонимической системы, направленные на обособление ойконимов от апеллятивной лексики и уподобление топонимов между собой, вызывают вторичную омонимию. Такую разновидность омонимии можно назвать *интратопонимической*. Вторичная интратопонимическая омонимия нередко преодолевается так же, как и первичная омонимия между собственными и нарицательными именами. Интратопонимическая омонимия устраняется путем фонетических (resp. орфографических) средств, например, меной ударения. Дифференцирующую функцию может выполнять также категория числа: *Пожарище, Пожарища*. Нередко интратопонимическая омонимия преодолевается путем использования названия в различных родах: *Ягодное, Ягодная; Заречная, Заречное, Заречный*.

Добавление дифференцирующих элементов к ойконимам-омонимам также препятствует возникновению омонимических пар. Эти дополнительные слова нередко составляют бинарные оппозиции, образуя микросистемы: *верхний – нижний, старый – новый, большой – малый*, например, *Большая Долина – Малая Долина, Верхнее Сергеево – Нижнее Сергеево*.

Конвергентная топонимическая тенденция проявляется здесь довольно отчетливо: с дифференцирующей целью употребляются лексемы из замкнутых семантических полей, которые устраняют омонимию, но сохраняют единообразный облик всей системы. Являются ли подобные бинарные оппозиции антонимичными? Например, И. И. Ковалик [4, с. 16] полагает, что среди собственных имен нет антонимов, однако многочисленным противопоставлениям типа *Большая Долина – Малая Долина, Большая Медведица – Малая Медведица* трудно отказать в антонимии.

В настоящей статье мы попытались проанализировать лишь отдельные, наиболее распространенные дивергентно-конвергентные тенденции ономастической системы. Сравнительный анализ топонимического материала из разных языков, разных регионов позволит расширить и углубить поставленные вопросы.

Л и т е р а т у р а :

1. *Карпенко Ю. А.* Специфика ономастики / Ю. А. Карпенко // Русская ономастика : сб. науч. тр. – Одесса : Изд-во ОНУ, 1984. – С. 3–16.
2. *Карпенко Ю. О.* Теоретичні засади розмежування власних і загальних назв / Ю. О. Карпенко // Мовознавство. – 1975. – № 4. – С. 25–34.
3. *Карпенко Ю. А.* О синхронической топонимике / Ю. А. Карпенко // Принципы

топонимики. – М. – 1964. – С. 48–67.

4. Карпенко Ю. О. Літературна ономастика / Ю. О. Карпенко // Літературна ономастика : зб. ст. – Одеса : Астропринт, 2008. – 328 с.
5. Ковалик І. І. Про власні загальні назви в українській мові / І. І. Ковалик // Мовознавство. – 1977. – № 2. – С. 15–17.
6. Курилович Е. Положение имени собственного в языке / Е. Курилович // Очерки по лингвистике. – М., 2002. – 267 с.
7. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. – М. : Наука, 1973. – 320 с.

Бондаренко І. В. Дивергентно-конвергентні процеси в ономастичній системі мови (на матеріалі ойконімів).

У статті розглядаються питання виникнення ономастичної омонімії та шляхи її подолання, а також дивергентно-конвергентні процеси, що відбуваються в середині топонімічної системи мови. Подано класифікацію видів ономастичної омонімії, розглянуто різні мовні засоби та способи (фонетичні, морфологічні, синтаксичні) її усунення.

Ключові слова: ономастична омонімія, ойконіми, дивергенція, конвергенція.

Bondarenko I. V. Divergent-convergent processes in the onomastic system of a language (based on oikonyms).

The article examines questions of onomastic homonymy occurrence and ways of its overcoming, as well as the divergent-convergent processes within the toponymic system of a language. The classification of onomastic homonymy types is proposed, various ways and means of language (phonetic, morphological, syntactic) to eliminate it are considered.

Key words: onomastic homonymy, oikonyms, divergence, convergence.

Висоцька Н. Л.

Донбаський державний педагогічний університет

ДОСЛІДЖЕННЯ ТЕОРІЇ ТЕКСТУ (ЛІНГВОІСТОРИОГРАФІЧНИЙ АСПЕКТ)

У статті здійснено лінгвоісторіографічний аналіз поглядів мовознавців ХХ ст. – початку ХХІ ст. щодо проблем теорії тексту. Визначено особливості формування термінологічного апарату та методологічної бази зазначеної теорії. Установлено етапи й хронологічну послідовність становлення та розвитку лінгвістики тексту як окремої наукової дисципліни. Визначено внесок сучасних дослідників у розробку теорії тексту.

Ключові слова: лінгвоісторіографічний аналіз, теорія тексту, текст.

Постановка проблеми. Становлення теорії тексту в якості окремої галузі філології відображає хід розвитку сучасної лінгвістичної науки. Тому важко переоцінити значення теорії тексту для сучасного мовознавства. Текст є “первинним для всього гуманітарно-філософського мислення й виявляється саме тією безпосередньою дійсністю, із якої тільки й можуть походити ці дисципліни”, – думка провідного російського вченого М. М. Бахтіна стала